

«ШШКАФ»

ЕЛЕНА КОРО

МИСТЕРИЯ ОДНОГО ПРОЧТЕНИЯ

(Елена Янушевская. *Вторая любовь: поэзия, эссе, афоризмы.* – М.: Летний сад, 2020. – 248 с.)

Поэта читаешь в Москве. Не в первый день. Тогда, когда космос Москвы, сплетаясь артериями переулочков со сферой твоего сознания, проникает в желания, углубляя их до голубоокой бездны. Она находит в тебе поэта и вовлекает тебя писать текст Москвы, текст переулочков и бульваров. Голубоокая вовлекает в диалог, но не с собой, с поэтом, которого выбирает Москва. Так мне случилось, живя в предсердии Москвы, читать книгу поэта и философа Елены Янушевской «Вторая любовь».

Поэта свойственно читать, вовлекаясь в его Книгу как в путешествие, следуя за образами, сплетаясь и вылетаясь в поэтическую ткань, как Алиса устремляется в зазеркалье. И голубоокая бездна Москвы откликается на устремлённость «в многоточии и в многоочии» [1, с.13] на призыв имени – «от имени голубянки» [1, с.11]. Вслед за бабочкой, за голубянской, за образом лирической героини – в майском трамвае, в глубины порталов Патриарших, где капли росы на «неразумных тварях ромахах» множат образы имени, отражаясь в многоочии голубоокой моментами как порталами, в которые поэтические образы вовлекают как в игру судьбы. То, что у древних греков именовалось рок, то, что у современных философов именуется случай, моменты хронотопа Книги – в полном смешении секунды до, момента после. Многоточия здесь не линейны, но трюичны. Внутри моменты разворачиваются фракталами, бесконечно переходя от образа к образу, при малейшем приближении и сближении они разворачиваются до бесконечного размытия и разлития границ времени. Читатель теряет естество в моменте, сближаясь с лирической героиней во множестве её ликов, отражённых в росах голубоокой. И вдруг лирическим героем из зазеркалья возвращается в мир настолько полной полой сферы, до оброщённости воздухом в состояние невесомости.

*Событию этому причастна,
я, переполнена, как чаша,
от полноты в себе не властна,
скорей, скорей на карандашик:*

*«...будто тревоги все – пустые,
будто сказать – одна отрада:
мы невесомы, все – святые,
а больше – ничего не надо!»
«Воздух» [1, с.93]*

Поэт приходит Омегой, и космос книги вдруг сходит в мир, и читатель в открывшийся космос поэта – одномоментно. И в невесомости и полноте приоткрывается азбука и язык Омеги.

Обозначим сферу книги точкой Омега. И неожиданно, моментами, начинают проявляться качества героини в сознании Омеги.

*Под памятником в тихом скверике,
в кафе у белой балюстрады,
не в Аргентину, не в Америку –
туда, где мне, как другу, рады;*

*куда не ходят вездесущие
маршрутки, поезда, паромы,
в разъятую на суть и сущее
во времени, – бегу в Плерому.
«Побег (В. Ходасевичу)» [1, с.85]*

Побег в полноту Плеромы сопоставим в данном контексте с понятием полноты пространственности платоновской хоры. Хора как пространство, где осуществляется телесное пребывание Христа в полноте, рассматривается в христианском ключе в качестве храма, в котором в иконах и заключается полнота телесного пребывания Христа. Для лирической героини хоротопы, сакральные места в пространстве Москвы, в которых и от-

крываются порталы непосредственно в хронотоп.

Хора наделена качествами иной продлённости, она – предречие, «мать речи» [2], междуречие, в котором полнота осуществления длится в интервалах звуков, в дифтонгах, созвучных длиннотам букв азбуки Омеги. Из междуречия хоры речь сквозь паузу перехода – одномоментно в полноте Плеромы сопоставима уже с мелодиками Омеги.

Вслушиваясь в речь героини, начинаешь слышать между строк космические ритмы и мелодики обертонами языка Омеги. И всё это в таких земных моментах, так ярко, зримо, полно земной жизнью. Не оттого ли, что так полновесно «здесь и сейчас» героини, так выпукло и чётко различимо для земного глаза то, что ещё никем не узнано и не познано?

*Оглохшая от суеты
(идёшь в неё, будто на плаху),
не сплю – сползаю на плечо
к слепому органисту Баху.
Спасибо, немец, что ты жил,
что Месса си минор с начала
над горестями всех людей
в квартире русской прозвучала.
«У себя» [1, с.125]*

Сфера Книги имеет структуру не линейную, по сути, хотя и разворачивается в продлении хронологически в порядке следования книг, глав, циклов. Но время во временно-пространственном континууме одномоментно по сути, как прошлое, настоящее, будущее в одном моменте. Стоит сказать, что прочтение сферы в хронологическом порядке – одна из иллюзий ума. Сфера читается не только в обратном хронологическом порядке, от будущего к прошлому, она читается разворачиванием моментов азбуки, речи, мелодик Омеги. И такое прочтение даёт лирическому герою мистерия голубоокой бездны, хора Москвы. Она даёт ему мистерию осуществления космоса, лирический герой обращается поэтом, чтобы сказать созвучное хоре Москвы:

*московский космос
он из двоеточий, оксюморонов, он предельно точен.
Стрекозы собирают свет их звёздный,
в глазах фасеточных все окна воедино,
всё звёзды здесь соборны в стрекозиных
глазах Москва неопалимая купина
шептали рыбы Северной Пальмиры:
Москва духовна, неисповедима.
Елена Коро «Москва неисповедимая» [3, с. 35]*

Лирический герой, отражаясь в фасеточных глазах «ангелов-стрекоз» [1, с. 36] из сна героини, видит себя во множестве моментов, состояний любви.словно в них открывается полигинность души. Как то и было в циклах древнегреческой

любви. В чувственности её делают зримой вещи, в чём, наверное, суть поэзии – простыми вещами завершать и совершать мгновения страсти.

II знаешь, новый с-неба-эмигрант,
настою строк, их андрогинной сластью
напоит жизнь, когда из нас, к несчастью,
уже взойдет репейник, мальвы, амарант...
«К Ю.Я. (Гворчество)»*

* «Там, на лугах [истины], пастбище для лучшей стороны души... Она..., постигнутая какой-нибудь случайностью, ...отяжелеет, а отяжелев, утратит крылья и падёт на землю». (Платон, «Федр»). [1, с.144]

Новая душа входит на земной план не сразу, вначале она проявляется в хоре, в хоротопе, в том сакральном месте, откуда ей и должно родиться в мир. Пребывая в хоре, она ещё хранит все состояния своих отношений в прежних воплощениях, да и выбирает свои состояния любви будущего. Душа в этот момент – фасеточное полисущество, полигин в контексте множественности форм женственности по природе своей. Она в этот момент итог воплощений, аркан Вселенная, точка Омега. И этот полигин – здесь множество моментов любви – с существами разных планов и времён.

*Я спала, и мне снилось,
как я обнимаю пламя,
бесцветное пламя
(красной? зелёной? жёлтой?) свечи...
Проснусь – зарыдаю.
А было ли что между нами?
А мы обменялись лучами?
Молчи не молчи.
Молчи не молчи.
«Встреча» [1, с.153]*

Вот этот не воплощённый ещё полигин проявляет себя во множестве моментов любви. Он может являть множество обликов, и женских, и мужских, и демонических, и различных развоплощённых существ, и облики бессмертных людей искусства всех времён. Состояния отношений героини в моментах Книги в поэтических образах, состояния её души – они сплетены с этой вселенной любви сознанием Омеги, в которой её диалог и полилог тем выше, или многообразнее, оттенки, каждый оттенок как история в образах, сюжете, вещах, символах, аллюзиях, что героиня силой своего воображения делает предельно материальными.

*Упрямо, под ступодом исчисленных лет,
нацеленных в Точку Омега*,
как тот эксцентричный, из бочки, мудрец,
по взгляду искать человека.
«Рождение строб для Диогена»*

* Точка Омега – понятие из философии П. Тейяра де Шардена. Означает высшее осуществление духовного потенциала, имманентного космической жизни [1, с.152].

Сознание Омеги создаёт многочисленные формы любви внутри себя.

Книга о пути любви, на пути к точке Омега. И моменты любви сознания Омеги: героиня в них возлюбленной, тогда это понятно и зримо на земном плане, когда возлюбленный наделён качествами духа Омеги. Но в тоже время героиня и сама воплощает единство этого сознания, что проявляется в дуальности моментов.

Литература:

1. Елена Янушевская. Вторая любовь: поэзия, эссе, афоризмы. – М.: Летний сад, 2020. – 248 с.: ил. – (Плавучий мост).
2. Кристева Юлия. Обороты поэтического языка. – Нью-Йорк, Колумбийский университет, 1984. – С. 25-26.
3. Елена Коро. Книга имени. – М: Издательские решения, 2022. – 52 с.

– Ты любишь меня –
ты любишь всех, кто не любил меня.
II я – всех, кто ещё будет любить тебя.
IIначе не может быть
в нашей близости,
которая ничего не запрещает
и не имеет границ.
Рондо для женского голоса [1, с. 233-234]

И азбука, и речь, и жизнь – одномоментны
Космос и Омега в сфере книги поэта. Их проявление мистерально душе вчитывающегося.